

Александр Орлов

Говоря о войне

* * *

Я говорил в тиши с пустой дорогой,
Что есть во мне, и в ней, и в нас двоих.
Она казалась мне вдовой убогой,
Деливший всех на мёртвых и живых.

Но кто она? Истоптанная пажить?
Иссохшая от старости тропа?
Она покой готова взбудоражить,
На ней коряги, ямы, черепа.

Она ведёт куда? Кто дал ей право
В крутых извилах за собой вести?
Она грязна, обрывиста, лукава,
На ней пропали воины и вожди.

И я иду по ней, и шаг за шагом
Растрчиваю время, а потом
За лесом, за полями, за оврагом
Раскрытый вижу настезь отчий дом.

* * *

Сень родовых крестов
Слышу зовёшь, зачем?
Мне не найти слов,
Будто бы глух и нем.

В душу ко мне не лезь,
Что тебе до меня?
Моль, почему я здесь,
Может, моя родня?

Скрыта среди домовин,
Превращена в труху,
Что тебе за помин?
Нужен как на духу.

Выли меж круч ветра,
Прошлого слышу зов,
Это в золе костра
Сень родовых крестов.

Орлов Александр Владимирович — поэт. Родился в 1975 году в Москве. Окончил Московское медицинское училище №1 им.И.П.Павлова, Литинститут им.А.М.Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории в ГБОУ Школа 1861 «Загорье». Автор шести книг стихов и трёх книг малой прозы. Лауреат многих литературных премий. Живет в Москве.

Бабье горе

В ночь я сбился с пути
 И зашёл в крайний дом,
 Запах мёда, кутыи
 Расползается в нём.
 И старушка Яга
 Накрывает на стол,
 Говорит: «Ходока
 Господь Бог, знать, привёл.
 Что стоишь иль не рад
 Что попал на помин?
 Это древний обряд,
 Ты сворачивай блин,
 Помяни горькой всех,
 Не забудь и своих —
 Пей до дна, то не грех.
 Ты остался в живых,
 И поэтому знай:
 За тобою должок,
 Ну, милок, выпивай,
 Ты не свалишься с ног.
 А должок твой таков:
 Вплоть до Судного дня
 Поминай мертвецов,
 Лица в сердце храня,
 Стоек прошлого вкус,
 Только это твой крест.
 Вижу я: ты не трус.
 Если вдруг надоест,

Приходи ещё раз,
 Созову вековых,
 Чтоб услышал их сказ,
 И твой взгляд не потух,
 Чтоб ты понял, внучок,
 Что такое война,
 Сердце слёзно прожёт
 Бабьим горем сполна,
 Чтобы тысячи звёзд
 Твой забрали покой,
 Чтоб ты встал в полный рост
 С неушедшей войной.
 И на ней ты пропал,
 Скрылся, сгинул, погиб,
 И у всех, кто так ждал,
 Голос мигом охрип,
 Чтобы годы прошли,
 И ко мне на помин
 Не пришёл весь в пыли
 Нарождённый твой сын».
 Я сидел и молчал,
 И не брал меня хмель.
 Я пошёл на прогал,
 В ближний к звёздам тоннель.
 И встречали меня,
 Говоря о войне,
 Стражи Судного дня
 В солнцеликом огне.

* * *

Наступит вскоре паутины лёт,
 Покажется, что лето здесь напрасно
 Связало мои дни крестообразно.
 Они останутся, когда оно уйдёт
 И будет на сырых дорогах грязно.

И на прощальный сев озимой ржи
 Туманы приведёт летопроводец,
 В поля заступит время безработиц,
 Коротких дней и холода души,
 И звёзд, сковавших до весны колодец.

И буду говорить с душою велух,
 И в ожиданьи скорого ответа
 С печальною улыбкой домоседа
 Почувствую тепло весны, и вдруг
 Вернётся в сердце неземное лето.

* * *

Чародейные речи
О грядущем отлёте
Журавлиное вече
Заведёт на болоте.

Прокурлыкают птицы
Тростнику и осоке,
Одиноким влюбиться
Уготовлено в сроки.

Эти сроки настали,
Но выходят, однако,
В листопадном запале
По следам полумрака.

Посбиваются клином
Журавли над землёю,
Я небесным тишинам
Своё сердце открою.